

Рамон Мария дель Валье-Инклан

Фрагмент из книги «Чудесная лампа. Духовные упражнения»

(«La lámpara maravillosa. Ejercicios espirituales», 1916)

Гигово кольцо

В юности меня прельщала как слава писателя, так и слава искателя приключений. Тогда мой мир переполняли призрачные голоса — нескончаемый, мистический, пламенный шепот, гулкое эхо которого я ощущал всеми фибрами души, словно зов океана, раздающийся из раковины. Мне казалось, будто тот мощный, неведомый голос из глубины веков обволакивает меня, как горячее дыхание, как дым от очага, и, подобно ропоту прибоя, будит во мне какие-то смутные метания. Но грезы о приключениях, пестревшие сочными красками геральдических щитов, разлетелись прочь, покинув родное гнездо словно птицы. Они вернулись лишь один-единственный раз, влекомые чарами Ночи, чарами Весны, чарами Луны: сели на карниз, как на ветвь в саду моей души, и залились песней... А затем умолкли навсегда. В тридцать лет мне отрезали руку; быть может, это спугнуло моих птиц или лишило их голоса. Мне знать не дано. В ту печальную пору мне послужила утешением благосклонность муз! Я жаждал испить из их священного источника — однако прежде, чем исполнить ту мечту, мне хотелось прислушаться к биению собственного сердца и дать всем своим чувствам возвестить о себе. Из смутного шума их голосов я и соткал свою ЭСТЕТИКУ.

Ребенком — и даже отроком — я переживал гораздо глубже, когда внимал рассказам о приключениях отважных капитанов, полным неистовых бурь и жестоких сражений, чем когда погружался в лунную печаль поэтов: мой горячий пыл и благоговейный трепет был подобен тому чувству, с каким, наверное, следует объявлять о своем намерении постричься в монахи. Меня

восхищали не столько сами деяния героев, сколько сила их духа, их неугасающая страсть, служившая очистительным пламенем для моей Эстетической Дисциплины. Я начертал для себя заповеди — сверкающие и непоколебимые, словно ограда из мечей. Обрушился на свою обнаженную, окровавленную душу, бичуя ее железной плетью. Уничтожил в себе тщеславие и велел воспрянуть гордости. Когда в моей груди начинал шевелиться червь сомнения, а презренное чувство отчаяния угрожало меня отравить, я научился наказывать себя; так же, должно быть, поступил бы святой монах, искушаемый дьяволом. Исполненный ликования, я вырвался из логова гадюк и львов. И возлюбил одиночество, и уподобился птице, слагая песни только для себя. Боль, которую мне в былые времена причиняла мысль о том, что меня никто не слышит, теперь превратилась в благодать. Я верил, что одиночество придаст моему голосу безупречную гармонию, и был одновременно и вековым деревом, и зеленой ветвью, и поющей птицей. Если голос мой и долетал до чьего-то слуха, я никогда не отдавал себе в этом отчета. То была первая из моих заповедей.